

Память о блокаде

27 января исполнилось 75 лет со Дня полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады. Наша газета публикует воспоминания сестроречан – жителей блокадного Ленинграда.

Пик Владилена Борисовна

В июне 1941 года мне исполнилось 16 лет, осенью я должна была пойти в десятый класс школы в Курорте, но уроки так и не начались. Наш директор Иван Харитонович Радько собрал старшеклассников, мы стали ходить на Ржавую канаву пилить вдоль неё лес. Потом бойцы 120-го истребительного батальона, который обеспечивал оборону Сестрорецка, опутывали их колючей проволокой.

Сестрорецк стал закрытым городом, ежедневно обстреливался, но ещё громче стреляли форты Кронштадта. Только к октябрю стало поспокойнее. Зиму пережили с большим трудом. Помню, как делали лепёшки из сосен.

Снимали кору, счищали верхний слой и тёрли на тёрке сердцевину. Потом добавляли столярный клей и пекли лепёшки. Так делали все жители Разлива.

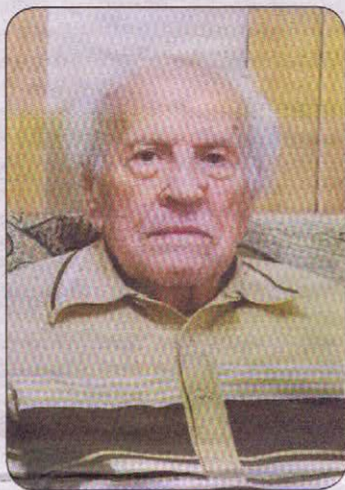
В марте 1942 года нас эвакуировали в Курганскую область и вернулись мы обратно уже только в 1946 году.

Панкрушев Владимир Васильевич

Блокаду мы прожили в своём доме в Разливе. Отца забрали на фронт, я остался с мамой и братом. Нас выселили в Лисий Нос, но он очень обстреливался, и мы вернулись домой. Мама работала, мы с братом помогали по хозяйству. До войны папа держал кроликов, остался запас их шкур. Мама их вываривала, добавляла муку из сердцевин молодых стволов деревьев и готовила нам суп.

Запомнился случай, когда я впервые увидел немецкий самолёт. Он летел очень низко над землёй, и я решил спрятаться в колодце. Побежал в его сторону, но не успел. Самолет начал стрелять, и осколками пробило крышу колодца. Я подумал: вот хорошо, что не успел добежать, а то убило бы.

К смерти на войне даже мы, дети, относились очень спокойно. В первую блокадную зиму люди лежали или сидели замёрзшие прямо вдоль дорог. Их хоронили не сразу...

Кузнецова (Никитина) Нина Алексеевна

Наша семья – мама, папа и четверо детей – жила на улице Воскова. После начала войны папа ушёл в ополчение, а мы переехали в Лисий Нос. Жили в маленькой комнатке на втором этаже деревянного дома. Несмотря на голод, помогали друг другу.

Как-то жена папиного друга принесла нам стакан овсянки, им можно было разжиться у военных за стирку обмундирования. Мама тоже стирала военным морякам. Зимой поезда не ходили, и она ходила пешком за хлебом на Старую Деревню. Однажды она села передохнуть и стала засыпать, так бы и замёрзла, если бы не растормошил знакомый. Но карточки у неё украли. Нас пристроили в

детский дом в Лисьем Носу. Там в 1944 году я окончила пятый класс.

27 января вместе со всеми кричали «Ура!», радовались, плакали, когда узнали, что блокада снята. А Победу мы встречали уже в Сестрорецке.

Краева (Комарова) Тамара Владимировна

Мне было 12 лет, когда началась война. Отца забрали на фронт, а мы с мамой и братом остались в Разливе. Мама работала медсестрой, в блокаду она и доктор Корнеева были единственными, кто оказывал медпомощь жителям Сестрорецка и посёлков. А на меня легли заботы по хозяйству.

Запомнился поход в магазин зимой 1942 года. Поезда в Ленинград ходили только от Лисьего Носа. Мы загодя пришли на станцию, просидели там два часа в ожидании поезда. Нас пустили в вагон с буржуйкой, около которой мы и заснули. Высадили нас у Старой Деревни, и мы побрели на Петроградскую сторону, там отоварили карточки, погрузили продукты на санки и пошли домой.

В июле 1942 года маму назначили сопровождать в эвакуацию Разливский блокадный детский дом. Это были истощённые дошкольники. Вернулись мы в Сестрорецк только в 1944 году.

